

Знамя Мира над музеем

Неудивительно, что идеи Рериха, великого русского художника, учёного, путешественника и общественного деятеля привлекают внимание многих людей во всём мире. Белое полотнище с тремя красными окружностями: Прошлые, Настоящие и Будущие достижения человечества в Кольце Вечности – таким виделось великому художнику Знамя Мира. По мысли Рериха Знамя Мира должны развиваться над соборами, музеями, книгохранилищами и другими центрами культуры как символ наступления Нового Мира.

Под таким охранным Знаменем находится *Горловский художественный музей*, обладающий самой крупной на Украине коллекцией картин Н.К.Рериха, переданной музею московским коллекционером, известным гомеопатом, доктором медицинских наук *Сергеем Алексеевичем Мухиным*. Долгие годы эти работы хранились в семье брата художника, известного архитектора Бориса Рериха. Сергей Алексеевич приобрёл у вдовы Бориса Николаевича ранние произведения Николая Рериха, при содействии министерства культуры сумел организовать реставрацию работ и в 1962 году подарил бесценную коллекцию молодому индустриальному городу Донбасса – Горловке.

Предлагаем Вашему вниманию беседу А.П.Кабановой, сотрудницы журнала «Дельфис», с вдовой Сергея Алексеевича Мухина Евгенией Михайловной Величко.

«Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны?» – спрашивал Николай Константинович Рерих. Светлая подвижническая жизнь Сергея Алексеевича и Евгении Михайловны – один из таких истинных путей благословения.

А.П.Кабанова

ИЩУЩИЕ ИСТИНУ

(разговор с Евгенией Михайловной Мухиной-Величко)

Елена Ивановна завещала своему старшему сыну – Юрию – вернуться после её смерти в Россию с художественным наследием отца, а младшему – Святославу – оставаться жить в Индии.

И сыновья это завещание выполнили. Правда, Юрию Николаевичу исполнить наказ было куда труднее, чем брату. Об этом говорили уже те долгие годы, что провёл он в ожидании советской визы ещё вместе с матерью. А в 1955 году после её ухода из жизни вся тяжесть проблемы возвращения в Россию легла на плечи Юрия Николаевича.

Нужна была помощь – конкретная, действенная. Нужны были дружеские руки, искренне протянутые с родной земли. Нужны были люди, которые взяли бы на себя смелость (а те годы она грозила самыми скверными последствиями) хлопотать о возвращении на Родину сына великого художника – выдающегося востоковеда-лингвиста.

И такие люди нашлись. Нет, они не были родными Рерихам по крови. Они были родными по духу, понимавшими всю важность возврата великого имени и духовного наследия семьи Рерихов. Людями этими оказались супруги Мухины: известный врач-гомеопат Сергей Алексеевич Мухин и его жена, журналистка Евгения Михайловна Мухина-Величко.

Это они ещё при жизни Елены Ивановны Рерих отважились написать ей письмо и с большим для себя риском послали его через индийское посольство. Это они вопреки предупреждению советского академика живописи Александра Герасимова: «не портить себе жизнь бесплодными хлопотами» начали писать в Верховный Совет СССР К.Е.Ворошилову одно за другим прошения – разрешить вернуться на Родину старшему сыну Н.К.Рериха. Это они посылали самому Юрию Николаевичу срочные телеграммы, советуя обратиться непосредственно к Н.С.Хрущеву во время его визита в Индию. Это они не раз объяснялись по поводу Рерихов с компетентными органами, не понимавшими, в чём же состоит личный интерес Мухиных, с таким упорством добивавшихся возвращения наследия Рерихов на Родину.

Но личный интерес у них был. И состоял он в любви к Родине, в служении ей, в понимании того, как необходимо её народу, пусть посмертно, возвращение великого художника, его искусства, научных и литературных трудов.

А ростки духовных исканий даже в те времена, когда свободомыслие было самым страшным грехом, уже прорастали в сердцах людей ищущих истину. Именно такими людьми были супруги Мухины.

Сергей Алексеевич Мухин родился в 1905 году в рабочей семье, рано осиротел, вырос в детском доме, откуда вынес страстное желание учиться. Получив медицинское образование, он, как натура ищущая, творческая, рано понял, что изучать надо не столько болезни, сколько человека, чей организм куда более сложно организован, нежели представляет себе ортодоксальная медицина. А изучая человека прежде всего как существо духовное, Сергей Алексеевич не мог пройти мимо тысячелетнего опыта древнего врачевания, народной медицины и гомеопатии. Познавая их, он пришел к необходимости исследовать и то, чем питает человек свой дух, не только тело. Он стал изучать религии мира. Так появилось осознание духовной стороны жизни, в основе которой – непременно доброта, чуткость и любовь в общении с людьми.

Не менее тернистым путём шла к этому и молодая его жена Евгения. Она искренне приняла в своё сердце и руки не только детей Сергея Алексеевича (он был старше её и уже овдовел), но и стала верным единомышленником и соратником мужа в поисках истины. Сближало их многое: и страстное стремление учиться, и близкое знакомство с детским домом; только Евгении Михайловне пришлось там побывать не как сироте из рабочей семьи. Она стала сиротой, потому что вышла совсем из другого сословия. Её родители были «лишенцами», депортированными в Сибирь на золотодобычу.

Пробить себе путь к высшему образованию, имея на руках документы «лишенцев», а повзрослев – «волчий паспорт», можно было только упорством и страстью к знанию. Того и другого у неё было в достатке. А ещё у неё была вера в жизнь, оптимизм. И, наверное, в её девичьей тетрадке, куда заносились всякие мудрые мысли, не зря появилась запись высказывания А.Н.Скрябина: «Чтобы стать оптимистом, надо испытать отчаяние и победить его». Она победила и достигла цели – стала журналистом, работником многих крупных издательств.*

* Началась журналистская деятельность Евгении Михайловны в далёком 1946 году, когда вышла её первая книжка «Товары широкого потребления».

Была в гармоничном союзе Евгении Михайловны и её мужа одна особая общая любовь – живопись. Покупка у букинистов альбомов с репродукциями картин Н.К.Рериха и его книг сделала их не только верными почитателями его искусства, но и страстными собирателями произведений этого художника, а также полотен других живописцев. Неудивительно, что и сейчас в доме Евгении Михайловны висят замечательные полотна. И не только в доме. Душевная щедрость этой семьи сделала их ещё в советские времена дарителями целой коллекции картин в художественную галерею города Горловки, в том числе 27 картин Н.К.Рериха раннего периода.

И Сергей Алексеевич, лечивший многих выдающихся людей, и Евгения Михайловна в силу своей профессии – оба они общались с интеллектуально-художественной и духовной средой тех лет. В их доме собирались друзья. Семён Иванович Тюляев рассказывал о Конкордии Антаровой, учеником которой был, и её замечательной книге «Две жизни», ныне известной многим. Эти беседы людей, объединённых единым духовным поиском, проходили ещё до приезда Юрия Николаевича Рериха. Неудивительно, что встретившись, наконец, с ним в Москве, они стали его близкими друзьями.

Прежде чем непосредственно обратиться к Евгении Михайловне с просьбой рассказать о встречах с Юрием Николаевичем, о её богатой впечатлениями жизни, извлечённой из прожитых лет мудрости, хотелось бы сказать несколько слов о старенькой тетрадке, какую вела она ещё со школьных лет. Вот такая мысль оказалась ей тогда особенно важной: «Всякий, кто в жизни боролся за счастье быть самим собой, знает, что сила и успех этой борьбы зависят от уверенности, с которой идёт искатель к своей цели...» (М.Пришвин).

Евгения Михайловна уверенно шла к счастью быть самой собой. И хотя немало горестей, потерь и преодолений было на её пути и в юности, и в зрелые годы, выйдя она счастливой. Да и считает себя таковой. Может быть потому, общаясь с ней, чувствуешь себя очень спокойно, уверенно. Гармоничное, уравновешенное состояние её души как-то умиротворяет. Так обычно бывает при общении с людьми не просто сильным духом, но с теми, кто нашёл своё предназначение и тем самым обрёл счастье быть самим собой. А

ния для населения». Позже, вместе с Институтом питания Академии медицинских наук, она занималась подготовкой к переизданию «Книги о вкусной и здоровой пище», в 1992 году вышла книга «Русская народная кухня», написанная в соавторстве с Ковалёвым и В.Усовым. А в 1995 году в сборнике «Опалённые войной» Евгения Михайловна рассказывала о времени и о себе, о событиях Великой Отечественной войны. В 1996 году вышла её брошюра «Братья-декабристы Бобрищевы-Пушкины», и в том же году появилась книга, созданная с И.М.Иноземцевым и Н.Е.Сухаревым «Как уцелеть в этот разрушительный век». Свои воспоминания о семье Рерихов Евгения Михайловна опубликовала в альманахе «Утренняя звезда» (№1), в сборнике памяти Ю.Н.Рериха, в журнале «Феникс» (Австралия), в московских газетах «Федерация» и «Московские ведомости».

Н. К. Рерих Отроки-продолжатели. Эскиз росписи моленной. 1914 г. Горловский художественный музей.

это один из признаков того, что человек выполняет главные задачи своей жизни. Одной из них, наверное, и была помощь великой семье Рерихов – вернуть их имя и наследие на Родину, помочь Юрию Николаевичу переехать из Индии в Советский Союз, в Москву. И не просто переехать, а начать плодотворную деятельность – и в утверждении, увековечении художественного наследия отца, и в создании Юрием Николаевичем новых пластов знаний в русском востоковедении.

Он сразу же начал работать в Институте востоковедения АН СССР. Да и сама адаптация в трудных и по климату, и по быту условиях была для Юрия Николаевича совсем нелёгкой.

– Евгения Михайловна, наверное, облегчить эту адаптацию для Юрия Николаевича Рериха и было одной из главных задач вашей семьи на первых порах?

– Конечно, в те времена войти в наш образ жизни было нелегко, тем более, что Юрий Николаевич приехал со своими названными сёстрами – Людмилой и Ираидой Богдановыми, и ему нужно было позаботиться и о них. Остановились они сначала в гостинице «Ленинград», куда мы и пришли, как только Юрий Николаевич позвонил. Встретились, словно родные, хотя и виделись впервые. Необходимо было хлопотать о квартире. Естественно, в этих хлопотах мы помогли Юрию Николаевичу. А тёплые вещи для нашей зимы? Ни Юрий Николаевич, ни сёстры Богдановы не были готовы к суровой зиме. Надо было позаботиться и об этом. Да и вообще вживаться в наш быт и действительность было весьма непросто.

– Да, я помню, как Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко, с которой Вы встречались и раньше, рассказывала мне об одном забавном эпизоде «вживания» Юрия Николаевича в наш быт. Когда он впервые пошёл за чем-то в магазин и, протянув продавцу деньги, услышал от него, наверное, не очень любезный совет: «Идите в кассу и выберите чек!»,

тот очень удивился: «Что это означает «выбить чек»? Таких «реалий» нашей жизни Юрий Николаевич не знал и, конечно, подобных выражений в его русском лексиконе не было.

– Не было, наверное, таких аналогов и во всех языках, какие знал Юрий Николаевич. А знал он их великое множество. Кроме основных европейских он владел самыми редкими языками и диалектами Монголии, Тибета, Индии. И вообще, в нашей действительности ему было многое непонятно и, наверное, обидно. Но никогда он не раздражался и не говорил каких-то резких слов.

Я помню, когда готовилась первая выставка картин Н.К.Рериха, Юрий Николаевич ожидал, что для неё дадут залы Академии художеств СССР. Но тогдашние советские академики почему-то отказались предоставить для выставки свои залы, и пришлось искать другой вариант – Выставочные залы на Кузнецком мосту. Юрию Николаевичу, конечно, было больно от подобного поведения художников. Но единствен-

